

Величие горы

Документальный рассказ

ОТ АВТОРА: В основе этого рассказа всё реально – люди, события, факты. И естественно, дух ушедшего времени, которое, преломляясь в поступках главного героя, обещало надежду на справедливость.

В июне 1984 года стукнуло ровно полгода моей «подписке о невыезде». Я купил портативную печатную машинку, и мои соседи по общежитию на ВЛК (Высших литературных курсах) считали, что я день и ночь печатаю свои «нетленки» (литературные произведения). Нет-нет, я множил и множил различные варианты (в зависимости от адресата) своих оправдательных писем. Вот уж действительно – *ни дня без строчки*.

В Союзе писателей РСФСР, на Комсомольском проспекте, 13, секретарь-машинистка Сергея Михалкова сказала:

– Прежде чем идти к председателю, зайдите к секретарю правления Волкову.

Сейчас уже не помню конкретно-го разговора с ним, в памяти осталось только, что после той нашей встречи вахтёры, ссылаясь на Волкова, перестали пускать меня в здание СП РСФСР.

Это было настолько унижительным, что я перестал не только появляться там, но запретил себе даже думать об СП РСФСР.

Спасением было Бюро пропаганды Союза писателей СССР, находившееся на улице Беговой. Бывал там довольно часто. В бюро меня поддерживали. Давали возможность выступать в общеобразовательных школах, СПТУ, на фабриках, заводах. И я выступал, читал свои стихи и таким образом зарабатывал деньги – много средств уходило на поездки в Барнаул по вызовам в краевую прокуратуру.

Почти каждую субботу под вечер ко мне в общежитие Литинститута приезжал Миша (сын), он учился на третьем курсе географического факультета МГУ. Пока я писал оправдательные письма, он готовил салат, чистил и жарил картошку, мы ужинали и обсуждали так называемые воскресные вылазки на какие-нибудь культурные мероприятия. Чаще всего на спектакли во МХАТе на Тверском бульваре или на вечера в ЦДЛ – Центральном доме литераторов.

Ужин затягивался, мы беседовали, это были лучшие часы жизни во время учёбы на ВЛК. Потом Миша ложился спать на тахте, он занимался плаванием и строго соблюдал режим дня, а я опять садился за оправдательные письма.

После культурных мероприятий мы разъезжались по своим общежитиям с расчётом вновь встретиться в конце недели.

В тот вечер мы были в ЦДЛ. Зрительный зал не вмещал всех желающих, люди стояли в проходах. Мы сидели слева от сцены, где-то в центре десятого ряда. Был вечер поэта Игоря Ляпина, но главным на сцене был не он. Главными были Сергей Владимирович Михалков и Сергей Венедиктович Сартаков. Особенно следили за Михалковым. Высокий, под метр девяносто, в сером пиджаке с протёртыми до дыр локтями и с взлётскивающей у левого лацкана звёздочкой Героя Социалистического Труда, он буквально приковывал всеобщее внимание.

Мне доводилось наблюдать некоторых знаменитых писателей, которые

Сергей Михалков (1913–2009), председатель Союза писателей РСФСР, председатель Международного сообщества писательских союзов

отдельно были как бы даже более знамениты, чем Михалков. Тем не менее в его присутствии никто из них не мог сравниться с ним, блеск их славы почему-то тускнел. И это при том, что славу Михалкова не все воспринимали, а некоторые напрямую, а чаще исподтишка всячески пытались принизить.

Запомнился эпизод. Михалков и Сартаков с обеих сторон взяли Игоря Ляпина под руки и повели в центр сцены, к микрофону. Сзади меня, едва ли не в ухо, кто-то отчётливо сказал:

– Ты смотри, как вводят в большую литературу! С чего бы это?

Михалков наклонился к микрофону и очень просто, с какой-то полусушливой интонацией сообщил:

– Знакомьтесь, новый главный редактор издательства «Детская литература» – Игорь Иванович Ляпин.

И опять голос сзади:

– Ах вот оно в чём дело – открываются многомиллионные тиражи...

Михалков сделал несколько хлопков, как бы показывая зрительному залу, как надо реагировать, и зал тут же отозвался дружными аплодисментами. На сцену стали подниматься литераторы с Кавказа, они говорили очень хорошие слова об Игоре Ивановиче Ляпине и попадали как бы под опеку Сартакова. Понимая, что теперь на сцене и без Михалкова всё будет в порядке, Сергей Владимирович очень внимательно оглядел зал, его взгляд задержался на нашем пяточке. Мне показалось, его вниманием овладел человек, подававший голос сзади.

рост у Миши тоже под метр девяносто, я сказал:

– Сергей Владимирович, это мой сын Миша.

В ответ он кивнул и, слегка опираясь на спинки передних кресел, спросил меня, как своего давнего знакомого:

– Ты почему не заходишь ко мне?

– Меня не пускают.

Такого ответа он не ожидал. Что-то обдумывая, переступил с ноги на ногу. Люди, сидевшие в креслах, на которые он опирался, извинились перед ним. Им не за что было извиняться, но они извинились – они не меньше меня были изумлены присутствием Горы. Михалков кивнул им – дескать, принял извинения. Поинтересовался:

– А тебя пускают до второго этажа? Там есть место, где диваны и кресла для ожидающих.

Я сказал, что если ни к кому не запишусь, то только туда и могу пройти.

– Вот и хорошо, каждый день ровно в 12.00 я прохожу возле этих диванов и кресел – заходи! – пригласил Михалков, словно давнего знакомого, и, не торопясь и жестом приказывая сидящим не вставать, стал продвигаться к проходу.

Это всё произошло в переполненном зале ЦДЛ, на глазах у сына. И для меня это было настолько важным, словно моё псевдодело внезапно было закрыто.

В здание Союза писателей РСФСР вошли несколько человек. Они обступили вахтёра, и я беспрепятственно поднялся в небольшой зал ожидания, который находился на втором этаже – сразу за двухстворчатой стеклянной дверью. Двери были распахнуты, и я сел в кресло в глубине зальчика, чтобы меня не было видно. Михалков предупредил, что появится ровно в 12.00, будет проходить мимо в свой кабинет.

Так и произошло, где-то в двенадцать на первом этаже послышалось какое-то шумное движение, и этот шум, продвигаясь по лестнице вверх, стал нарастать. Я по-быстрому перебрался на диван, поближе к ковровой дорожке, ведущей в кабинет председателя, – и вовремя. В проёме дверей Михалков появился в окружении приплясывающей ватаги писателей, словно юный Пётр Первый в окружении своих соратников.

Выше всех на голову, он довольно легко увидел меня. Приостановился, взял под локоть, и мы всей приплясывающей компанией пошли к нему. Хотя среди присутствующих писателей узнал только Анатолия Алексина, был уверен, что в окружении Михалкова есть не только известные, но и знаменитости. Настроившая атмосфера – хозяева жизни.

Под предводительством Михалкова мы вошли в его кабинет, и шумная ватага писателей в мгновение ока рассыпалась вокруг огромного общего стола, к торцу которого был приставлен тяжёлый письменный стол Сергея Владимировича. Все стулья стояли возле стены, и только его – возле письменного стола. Так что, сев, он тут же указал и мне сесть поближе.

– Что-то долго тебя не было?

Я подал газету «Известия» с фельетоном Владимира Надеина «Заплата на зарплате».

Михалков неторопливо по левой ступеньке стал спускаться в зал, и по вниманию зрителей, неотступно сопровождающих каждый его шаг, вместе с ним в зал как бы нисходила сцена. Я не знаю, имеет ли слава писателя физическую плотность, но в тот момент я ощущал её настолько полно, что невольно подумал: воистину нет славы выше, чем слава человека, власть имеющего.

Когда он приблизился к нашему ряду, по движению шума околопространства, сопровождающего Михалкова, заключил, что всё-таки он идёт к кому-то за нами.

Внимание привлёк Миша:

– Папа, – сказал он, – Михалков идёт к нам.

Миша имел в виду не лично нас, он имел в виду, что Михалков продвигается по нашему ряду. Он продвигался медленно и не смотрел в нашу сторону, но я сразу почувствовал, что цель его визита – я. Конечно, по тем временам это было чудо, потому что Гора шла не к Магомету, а ко мне, гонимому властью. Сейчас не помню сонма всех своих чувств, но главным было – чувство благодарности.

Есть-есть Высшая Справедливость – сердце моё пролилось теплом. Мне, гонимому, нужна была Гора, глядя на которую мои дети могли бы осознать, что я ни в чём не виноват. И вот Гора продвигалась, и я, гонимый и унижаемый, в тот момент ничего не испытывал, кроме величия присутствия Высшей Справедливости.

Когда Михалков приблизился и Миша встал, чтобы пропустить его –

Михалков быстро глянул на заголовок и, колеблясь — читать сразу или повременить, посмотрел на фамилию автора. Возможно, фамилия была знакома ему как главному редактору сатирического киножурнала «Фитиль», во всяком случае, он тут же погрузился в чтение.

Между тем в ватаге писателей, очевидно, каждый знал своё место. Кто-то стал листать журналы, лежавшие на общем столе, кто-то вынимал из портфелей машинописные тексты. Видимо, предстояло обсуждение чьей-то рукописи. Кто-то сыпал остротами, а известный детский писатель Анатолий Алексин (явно на правах приближённого) звонил кому-то по телефону, стараясь перекрыть шумное многоголосие. Прочитав фельетон, Михалков спросил:

— Есть ещё что-нибудь?..

В шуме, царящем в кабинете, я не расслышал вопроса, но, потому что загодя был настроен познакомиться с председателем Правления СП РСФСР со своей жалобой-телеграммой на имя члена Политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачёва, подал копию текста. Михалков, взяв, полностью повернулся вместе со стулом ко мне и первое, что сделал, — внимательно оглядел штемпель почтамта. Потом коротко взглянул на меня, но не так, как прежде, обтекаемо, а с холодной твёрдостью, невольно заставившей напрячься, и вновь погрузился в чтение. Меня удивило, что к шуму ватаги он не приспособился, он не замечал его, как не замечают шума дождя.

Пока он читал, обратил внимание на телефоны на его столе. Большинство обычной, несколько приплюснутой формы, и только один, чёрный, находившийся на некотором отдалении, показался мне архаичным, как бы из другой эпохи.

Прочитав копию телеграммы, Сергей Владимирович аккуратно положил её на газету с фельетоном и вновь коротко взглянул — и вновь я напрягся.

Между тем он вернул стул на место, легко дотянулся до архаичного телефона и, перенеся его на мою сторону, поставил рядом с текстом телеграммы прямо напротив меня. В круговом обрамлении цифр отчётливо выделялся герб СССР. Словно вспышка, мелькнула догадка: вот она, знаменитая вертушка! В следующую секунду Сергей Владимирович поставил телефон перед собой, расправил письмо-телеграмму и, оглядев шумную ватагу писателей, неожиданно для них, но не для меня властно и с силой стукнул кулаком по столу.

— Тише! Мать вашу!..

Он выругался так органично и смачно, что я невольно вспомнил Михаила Ульянова в фильме «Председатель», только мат председателя колхоза там вызвал испуганный вороний грай, а здесь — шум и гомон как бы отрубил. В полнейшей тишине Сергей Владимирович стал набирать номер. Это трудно объяснить, но напряжение, которое прежде испытывал, вдруг исчезло, а ватага писателей, напротив, замерла, словно бы оцепенела.

— С-секретариат члена п-политбюро Горбачёва? — чуть-чуть заикаясь, спросил Сергей Владимирович. — С вами говорит председатель Правления Союза писателей РСФСР Михалков.

Поинтересовался:

— В секретариате получили жалобу-телеграмму к члену политбюро Михаилу Сергеевичу Горбачёву за подписью писателя с Алтая Виктора Слипенчука?

Помолчав, пояснил, что в настоящее время Слипенчук — слушатель Высших литературных курсов при Литературном институте.

Отрицательный ответ телефонного визави несколько не смутил Михалкова, мне показалось, что ничего другого он и не ждал.

— Тогда запишите т-текст жалобы как т-телефонограмму.

Он неторопливо и очень внятно стал читать мою телеграмму, адресованную Михаилу Сергеевичу Горбачёву.

Закончив, сообщил дату на штемпеле и номер газеты «Известия» от 16 июня 1984 года с фельетоном В. Надеина.

Закончив разговор по вертушке, задумчиво сказал, что разговаривал с завом секретариата Горбачёва.

Он назвал фамилию, но я не среагировал. Подумал, что он сказал кому-то из ватаги писателей — может быть, Анатолию Алексину. И вдруг каким-то непонятным ощущением кожи почувствовал, что во время разговора по вертушке и сейчас, когда Сергей Владимирович назвал фамилию заведующего, ватага писателей, находясь в кабинете, словно бы отсутствовала, то есть пребывала в каком-то ином измерении, и мы с Михалковым были одни. Всё ещё в задумчивости, взвешивая только ему доступные возможности, Сергей Владимирович заметил, что заву секретариата можно позвонить по городскому телефону.

На этот раз я точно знал, что он разговаривает со мной и что мне надлежит делать. Увидев, что я вытащил записную книжку, он опять коротко взглянул, но в этом взгляде уже не было прежней отчуждающей твёрдости. Было одобрение понимания без слов.

Михалков на память продиктовал номера трёх телефонов. Я чувствовал, что он наблюдает за мной, но это не отвлекало, невольно всё схватывал на лету.

— По какому-нибудь дозвонишься. Набирал, знаю, — сказал мне как равному.

В ответ я заверил, что без крайней необходимости звонить не буду.

— И не надо, — одобрил он.

В его коротком взгляде и выражении лица я уловил некоторое изумление то ли моей понятливостью, то ли моим умением поддерживать разговор без слов. Во всяком случае, следующие его действия были продиктованы желанием показать мне, молодому писателю, кто он такой — Михалков, живой классик советской литературы.

Сергей Владимирович вновь подвинул вертушку, набрал Алтай. Ответили сразу. Представляясь, сказал, что говорит член ЦК КПСС, председатель Правления Союза писателей РСФСР Михалков.

Конечно, я заметил, что прежде, разговаривая с завом секретариата Горбачёва, он не упоминал, что член ЦК, а здесь с этого начал. В телефоне что-то громко бухнуло, словно на другом конце провода опрокинули стул.

Сергей Владимирович отодвинул трубку и, накрыв микрофон рукой, спросил:

— Кто такой Бережной?

— Второй секретарь Алтайского крайкома партии. О моём деле осведомлён первый — Николай Фёдорович Аксёнов, — подсказал я.

Сергей Владимирович согласно кивнул и голосом, не терпящим возражений, потребовал пригласить к аппарату Николая Фёдоровича.

— Его нет, в отъезде по краю? — переспросил Сергей Владимирович. — Вместо него т-ты, т-товарищ Бережной?

Получив утвердительный ответ, Сергей Владимирович повысил голос:

— У вас что, на Алтае с хлебами всё в порядке? Время некуда девать? Начали косолицу писателей?! Готовитесь в передовики?! Хлебосдачу замените писателями?!

В телефоне вновь громко бухнуло, Михалков, досадуя, резко положил трубку. Ватага писателей зашевелилась, вернулась в настоящее. Кабинет наполнился гомоном и шумом, словно никаких телефонных разговоров не было и не могло быть. Я испытывал непередаваемое чувство восхищения и восторга. Сергей Владимирович повернулся ко мне. Не знаю, что было написано на моём лице, он самодовольно усмехнулся:

— С демагогами надо разговаривать демагогически.

Виктор Слипенчук
www.slipenchuk.ru